

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Серия основана издательством
ЭКМО в 2002 году

Лев Николаевич
Толстой

Война и мир

Книга 1. Том I–II

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
Т52

Оформление серии «100 главных книг»

Н. Ярусовой

Оформление серии «Шедевры мировой классики»

И. Саукова

В оформлении обложки использована репродукция картины
«Подвиг солдат Раевского под Салтановкой» (1912 г.)

художника *Н. Самокиша*.

Оформление серии «Библиотека всемирной литературы»

А. Бондаренко

Толстой, Лев Николаевич.

Т52   **Война и мир. Том I—II : роман / Лев Толстой. —**
Москва : Эксмо, 2015. — 928 с.

Самый известный во всем мире роман Л. Н. Толстого «Война и мир» как никакое другое произведение гениального писателя отражает глубину его мировоззрения и философии и вот уже третье столетие заставляет читателей сопереживать героям произведения. Эта книга из разряда вечных — в ней раскрыты основные составляющие человеческого бытия: жизнь и смерть, любовь и измена, подвиг и малодушие, война и мир. Роман о русской душе, о русском укладе жизни, о вечных вопросах, которые приходится решать каждому человеку наедине с собой. Все жизненные перипетии героев, происходящие на фоне исторических событий начала XIX века в России, на фоне кровавых событий войны 1812 года, обретают емкий философский смысл.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-699-70287-9

(100 ГК)

ISBN 978-5-699-65494-9

(ШМК)

ISBN 978-5-699-31158-3

(БВЛ)

© **Бокова В.**, вступительная статья, 2015

© **Фортуатов Н.**, примечания, 2015

© **Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015**

Содержание

В. Бокова
История и художник

7

Том первый

19

Том второй

421

Примечания

841

История и художник

В начале был роман “Декабристы”.

Его замысел увлек Льва Толстого еще в 1856–1857 годах, в пылкую и молодую пору самого начала царствования Александра II. Это было время восторгов и надежд, когда русское общество, долго и вынужденно молчавшее при Николае, вдруг ожило, задвигалось, задышало и заговорило — о позоре Крымского поражения, о язвах государственного строя, о назревшей “эмансипации” крепостных, о необходимости реформ. Вдруг народилось великое множество “вопросов” — крестьянский, женский, национальный, студенческий — и они требовали безотлагательного решения. Все писали или обдумывали проекты преобразований (и Лев Толстой в их числе), все обсуждали ранее запретные темы и яростно спорили об истине.

Литература вымысла в этих условиях резко утратила популярность. Читатель желал публицистики, злобы дня и документа. В моду вошли исторические очерки, хроники, мемуары, биографии, особенно относящиеся к недавнему прошлому, — благо цензура смягчилась и многие ранее “непроходные” сюжеты стали дозволенными. Наступила “оттепель” и “гласность”.

В августе 1856 г. была объявлена амнистия политическим преступникам, и из Сибири стали возвращаться старики-декабристы.

Все это обратило мысли Толстого к историческому жанру.

Для него вторая половина 1850-х и начало 1860-х годов были непростым временем: все, что выходило в свет после “Детства” и “Севастопольских рассказов”, не имело успеха ни у публики, ни у критики, и Толстой то фиксировал новые замыслы, то подумывал вовсе бросить литературу, то вновь зарывался в книги, собирая рабочий материал.

За время этого кризиса он женился, поработал мировым посредником, поучил детей в Яснополянской школе, стал издателем собственного журнала, написал “Казаков”, начал “Холстомера” (который смог закончить лишь через двадцать лет) и все время обдумывал большой роман. Роман он задумал построить на современном материале, и его следовало делать ярко-публицистическим, обращенным к реалиям дня (именно такие романы вскоре вышли из-под пера Тургенева, Писемского, Лескова и иных маститых). Этот путь Толстому не импонировал. Пережив короткий период либеральных увлечений, он довольно быстро остыл, поугас и смотрел на общественную суету скептически и даже с некоторым раздражением.

Иное дело — история. Исторический жанр давал возможность и ответа, и скрытого противостояния современности. И Толстой усердно собирал материалы для романа о декабристах. Роман должен был строиться на противопоставлении вернувшегося из ссылки старого декабриста, сохранившего в изгнании душевную свежесть и ясность, но “отставшего от веяний”, и окружающей его шумной и бестолковой современности, с ее “цивилизацией, прогрессом, вопросами, возрождением России” и пр. Антиподом главного героя должен был выступить его былой соратник, некогда “изменивший своему богу”, избежавший наказания и теперь прекратившийся в “нравственную руину”.

Примерившись к теме, Толстой уже начал кое-что набрасывать, но... вскоре бросил, потому что понял: вернувшийся из ссылки декабрист не может быть оторван от 1825 года, когда решилась его судьба, а само восстание — лишь итог еще более ранних исторических событий. И вот Толстой “невольнo от настоящего (т.е. от 1856 г.) перешел к 1825 г., эпохе заблуждений и несчастий” героя, а затем “другой раз бросил начатое и стал вести повествование со времени 1812 года”.

В итоге, как будто случайно (как писал со слов самого Толстого литератор П.А. Сергеевко), в виде вступления к “Декабристам” был написан роман “Война и мир”, в котором тень декабря 1825 года лишь мелькает на страницах первой части эпилога.

Закончив “Войну и мир”, Толстой вновь вернулся к “Декабристам” — снова собирал материал, прикидывал, спрашивал очевидцев... да так и бросил. Перегорел. “Декабристы” так и остались ненаписанными.

Не будучи современником событий, Толстой любил эпоху Отечественной войны 1812 года с самого детства. Однажды он заметил, что всегда чувствовал в себе “инстинкт 1812 года”, а в одном из вариантов начала романа писал, что речь в нем пойдет “о том времени, которое еще цепью воспоминаний связано с нашим, которого неуловимый характер, запах и звук, соединяясь с особенной прелестью прошедшего и детства, так мило знакомы нам”.

В начале 1850-х гг. “не без удовольствия” прочитав главную на тот момент историческую работу по теме — “Описание Отечественной войны 1812 года” А.И. Михайловского-Данилевского, Толстой записал в Дневнике: “Есть мало эпох в истории, столь поучительных, как эта, и столь мало обсуженных — обсуженных беспристрастно и верно”.

Уже в 1853 г. кое-какие его размышления о 1812 годе отразились в рассказе “Набег”, где картинная напыщенная храбрость наполеоновских героев противопоставляется повседневному будничному героизму русского офицера, — эта идея стала своеобразным зародышем одной из главных идей “Войны и мира”.

Через десять лет, приступая к работе над романом (сюжет которого вскоре переносится во времени к предыстории Отечественной войны — событиям 1805 года) и снова критически взглянув на авторитетные труды и свидетельства, Толстой пришел к выводу, что мнения историков и очевидцев противоречат друг другу; да и вообще — то прошедшее, о котором он намеревался писать, освещено совершенно неверно, превратно, “навыворот” тому, что, как казалось писателю, происходило в действительности. Позднее он объяснял: “Объездите все войска тотчас после сражения, даже на другой, третий день, до тех пор, пока не написаны реляции, и спрашивайте у всех солдат, у старших и низших начальников о том, как было дело; вам будут рассказывать то, что испытали и видели все эти люди, и в вас образуется величественное, сложное, до бесконечности разнообразное и тяжелое, неясное впечатление; и ни от кого, еще менее от главнокомандующего, вы не узнаете, как было всё дело. Но через два-три дня начинают подавать реляции, говоруны начинают рассказывать, как было то, чего они не видали; наконец, составляется общее донесение, и по этому донесению составляется общее мнение армии. ...Через месяц и два расспрашивайте человека, участвующего в

сражении, — уж вы не чувствуете в его рассказе того сырого жизненного материала, который был прежде, а он рассказывает по реляции. Так рассказывали мне про Бородинское сражение многие живые, умные участники этого дела. Все рассказывали одно и то же, и все по неверному описанию Михайловского-Данилевского, по Глинке и др., даже подробности, которые рассказывали они, несмотря на то, что рассказчики находились на расстоянии нескольких верст друг от друга, одни и те же.

После потери Севастополя начальник артиллерии Крыжановский прислал мне донесения артиллерийских офицеров со всех бастионов и просил, чтобы я составил из этих более чем 20-ти донесений — одно. Я жалею, что не списал этих донесений. Это был лучший образец той наивной необходимой военной лжи, из которой составляются описания...

Все это я говорю к тому, чтобы показать неизбежность лжи в военных описаниях, служащих материалом для военных историков”.

Убедившись в этой истине, Толстой “неволью почувствовал необходимость доказывать” то, что говорил, и “высказывать те взгляды”, на основании которых писал. Все последующие годы, ушедшие на создание романа, он работал с “мучительным и радостным упорством и волнением”, шаг за шагом открывая то, что он считал правдой.

Роман должен был противостоять и научному педантизму с его устоявшимися историческими схемами и казенной бравурностью, и бурной пореформенной современности со всеми ее “вопросами”, “направлениями”, “реализмом”, “материализмом”, “либерализмом”, “женской эмансипацией” и прочей тенденциозностью. Он должен был вместить и проведенные Толстым изыскания, и “целую библиотеку книг”, и семейные предания, и трагический опыт Севастополя, и мелочи яснополянской жизни, и накопленный духовный опыт, и постепенно сложившуюся историософскую концепцию.

Война 1812 г., по Толстому, — это эпизод в великом движении народов с Запада на Восток и обратно в 1793–1814 годах, причины которого, как и причины исторических событий вообще, иррациональны и непостижимы. История стихийна и подчинена высшим неведомым законам; все — и “гении” (чья гениальность

для Толстого, мягко говоря, относительно), и толпа — лишь игрушка мировой стихии. Всякое событие — следствие сцепления миллионов сознательных и неосознанных стремлений, повлиять на которые не в силах ни один человек. Поэтому всякая власть иллюзорна и даже бесполезна, а единственной заслугой человека могла быть способность понять и почувствовать суть происходящего. Интуиция настолько же выше рассудка, насколько художественная правда выше историзма.

С этой позиции одобрение Толстого заслуживал Кутузов, который “презирал ум, и знание, и даже патристическое чувство... Он презирал их своей старостью, своей опытностью жизни”, а ценил лишь “терпение и время”, которые единственные могли вывести события в правильное, фатально predetermined русло.

С этой же позиции Толстой одобрял помещичьи труды Николая Ростова, который, начав хозяйствовать, присматривался к мужику, который “представлялся ему не только орудием, но и целью и судьей. Он сначала всматривался в мужика, стараясь понять, что ему нужно, что он считает дурным и хорошим, и только притворялся, что распоряжается и приказывает, в сущности же только учился у мужиков и приемам, и речам, и суждениям о том, что хорошо и что дурно. И только тогда, когда понял вкусы и стремления мужика, научился говорить его речью и понимать тайный смысл его речи, когда почувствовал себя сроднившимся с ним, только тогда стал он смело управлять им, то есть исполнять по отношению к мужикам ту самую должность, выполнение которой от него требовалось. И хозяйство Николая приносило самые блестящие результаты”.

Достоинство мыслящего человека — в том, чтобы уловить своеобразный “дух” стихийного движения, воплощенный в устремлениях народной массы. Народ же для Толстого — это своего рода одушевленное бессознательное, состоящее из существ, способных чувствовать, действовать, говорить, но не рассуждать. В олицетворении этой народной стихии — Платоне Каратаеве — романист особенно подчеркивал эту интуитивность существования, полное отсутствие личности, индивидуального начала: “Он не понимал и не мог понять значения слов, отдельно взятых из речи. Каждое слово его и каждое действие было проявлением неизвестной ему деятельности, которая была его жизнь. Но жизнь его, как он сам смотрел на нее, не имела смысла, как отдельная жизнь. Она имела

смысл только как частица целого, которое он постоянно чувствовал. Его слова и действия выливались из него так же равномерно, необходимо и непосредственно, как запах отделяется от цветка. Он не мог понять ни цены, ни значения отдельно взятого действия или слова”.

Работа над “Войной и миром” заняла у Толстого семь лет. Все это время роман развивался сюжетно, обрстал персонажами. Если Пьер с автобиографическими чертами самого Толстого, Наташа, Николай, старый князь Болконский с дочерью присутствовали в нем (часто под разными именами) с самого начала, то появление князя Андрея оказалось достаточно случайным: автору потребовалось описать Аустерлицкое сражение¹, в котором, как он решил, будет убит блестящий молодой человек. Принести в жертву персонаж, совсем уж посторонний роману, было как-то несподручно, и Толстой придумал, что молодой офицер — это сын старого князя. Ну, а потом уже Толстой “помиловал” Болконского и не только включил его в сюжетную канву на важные роли, но и сделал рупором многих собственных мыслей — особенно о войне.

Большинство персонажей романа — не только реально существовавших, но и вымышленных, — было списано с натуры или с фамильных портретов. Легко угадывались и родители Толстого — в Николае Ростове и княжне Марье, и деды: кн. Н.С. Волконский — в старике Болконском, граф И.А. Толстой — в графе Ростове, и все семейство Берсов (родни Софьи Андреевны Толстой) в полном составе. Лиза Берс послужила основой для образа Веры, мать семейства — для старой графини, а Наташу Толстой списывал с двух сестер — Софьи Андреевны и Татьяны Берс-Кузьминской (даже лысая ее кукла Мими попала на страницы романа). Мастер вообще легче и охотнее работал с натурным, а не с воображаемым материалом: такого рода письмо наполняло персонаж яркими, живыми красками, освещенными толстовской магией. Толстой считал себя неважным выдумщиком, зато в наблюдательности и силе художественного воздействия ему не было равных.

Вопреки легенде, Софья Андреевна Толстая не переписывала всего романа ни шесть, ни семь раз. Какое-то его части, раз воз-

¹ Аустерлицкое сражение — решающее сражение между российско-австрийской и французской армиями во время военной кампании 1805 г. около города Аустерлиц (в настоящее время Славков, Чехия).

никнув, сразу заняли свое место; другие переписывались автором и десять, и двадцать раз, — бесконечно (одних вариантов начала сохранилось пятнадцать).

Долго не приходило название. Сначала было “Три поры”, потом — “Что хорошо, то хорошо кончается”; еще позднее — “Тысяча восемьсот пятый год”. Под этим заголовком первые книги романа были опубликованы в журнале “Русский вестник” за 1865–1866 гг. И лишь поставив последнюю точку в первой завершенной редакции, Толстой нашел, наконец, окончательную формулу: “Война и мир”.

В старой русской орфографии слово “мир” имело два варианта — “мир” и “мір”. “Миром” называлось “отсутствие ссоры, вражды, несогласия, войны... тишина, покой; “міром” — “вселенная... наша земля, земной шар, все люди, весь свет, род человеческий”. (В.И. Даль).

Такое название — “Война и вселенная”, “Война и человечество” — гораздо больше соответствовало идее и пафосу романа, чем наше нынешнее понимание: противопоставление (или сопоставление) мирной и военной жизни.

Впрочем, под авторским названием книга увидела свет лишь однажды — в 1913 году. Все остальные издания и при жизни Толстого, и впоследствии выходили как “Война и мир”: на какой-то стадии издательского процесса произошла замена и буквы, и смысла.

Все время, пока роман печатался в журнале, и позже, когда готовилось отдельное издание (первые три книги вышли в декабре 1867 г.), Толстой продолжал править и переписывать текст, чем повергал своего издателя П.И. Бартенева в неопишываемые мучения. “Вы бог знает что делаете! — кричал Бартенев. — Этак мы никогда не кончим поправок и печатания!” — “Не марать так, как я мараю, — отвечал Толстой, — я не могу и твердо знаю, что маранье это идет в великую пользу... То именно, что вам нравится, было бы много хуже, ежели бы не было раз пять перемарано”.

И действительно, именно в процессе последней переработки и правки корректур родился, наконец, тот роман, которому суждено было прославить и Толстого, и всю русскую литературу. Именно на этой, последней, стадии в книге появился Платон Каратаев, был написан эпилог, продлевающий историю героев еще на восемь лет, исчезли многословные описания сражений под

Кремсом, Амштеттеном, Ламбахом¹, анализ плана сражения под Аустерлицем, многие историософские ремарки. Вообще роман как будто “подсох” и “подобрался”: исчезли длинноты, многие характеристики стали четче, диалоги конкретнее... И если журнальную редакцию публика встретила довольно прохладно (одна из умнейших женщин эпохи графиня А.Д. Блудова писала после первых номеров публикации П.В. Анненкову: “1805 год” Толстого не слишком нравится мне, — больше плохого французского языка, чем русского, и несвязные разговоры без всякого интереса. — Может быть, это только введение в роман, но скучновато — а князь Вяземский говорит, что даже и неверно. Если лица вымышленные, то безжизненные. — Если портреты, то не довольно похожи, чтобы можно было *annoncer de masques*”), то книжное издание ожидал совсем иной прием. Его читали жадно — “во всех сферах общества, даже там, где ничего не читалось”, как писал современник, — и почти сразу полюбили.

Зато критика встретила роман (первые отзывы пошли еще на журнальный вариант), можно сказать, воинственно. “Читая военные сцены романа, постоянно кажется, что ограниченный, но речистый унтер-офицер рассказывает о своих впечатлениях в глухой наивной деревне”, — писал В.В. Берви-Флеровский, бывший когда-то соучеником Толстого по Казанскому университету.

Не принята была ни “рваная” (как потом писали, “монтажно-кинематографическая) композиция, ни новаторская форма (ни хроника, ни исторический роман), ни философия романа. Военных раздражали ошибки в названиях и передвижениях полков, чинах, должностях, титулах, наградах, описаниях мундиров, и военно-теоретические размышления, “не выдерживающие самой снисходительной критики по своей односторонности”; современников событий — “сомнительные”, а то и просто уничижительные, на их взгляд, характеристики исторических лиц. “Если нельзя всегда быть фотографом, то должно, по крайней мере, быть строгим историческим живописцем, — писал князь П.А. Вяземский, — а не живописцем фантастическим и юмористическим. С историей надлежит обращаться добросовестно, почтительно и с любовью. Не

1 Кремс, Амштеттен, Ламбах — населенные пункты на территории Австрии, где происходили сражения между французскими и русскими войсками во время военной кампании 1805 г.

святотатственно ли да и не противно ли всем условиям литературного благоприличия и вкуса низводить историческую картину до карикатуры и пошлости?».

Правые ругали роман за “очернительство” и отсутствие патриотизма; левые — за “апологию барства и крепостничества”, дамы-эмансипантки — за домостроевское отношение к женщине, и т.п. Были, конечно, и одобрительные отзывы, но их было намного меньше.

От критиков не отставали и братья-писатели. А.А. Фета покорибил натурализм отдельных сцен, нарушающий художественную гармонию. М.Е. Салтыков-Щедрин, по слухам, сказал: “Эти военные сцены — одна ложь и суета. Багратион и Кутузов — кукольные генералы. А вообще — болтовня нянюшек и мамушек. А вот наше так называемое “высшее общество” граф лихо прохватил”.

И.С. Тургенев писал: “Толстой поражает читателя носком сапога Александра, смехом Сперанского, заставляя думать, что он все об этом знает, коли даже до этих мелочей дошел, — а он и знает только что эти мелочи... Настоящего развития нет ни в одном характере, а есть старая замашка передавать колебания, вибрации одного и того же чувства, положения...” И в другом месте: “Отчего это у него непременно все хорошие женщины — не только самки — даже дуры? И почему он старается уверить читателя, что коли женщина умна и развита, то непременно фразерка и лгунья?.. И почему все порядочные люди у него тоже какие-то чурбаны — с малой толикой родства?”.

Решительно, возникает впечатление, что все эти господа читали какую-то другую книгу.

Как писала когда-то Л.Я. Гинзбург: “Рецензии на “Войну и мир” похожи сейчас на хулиганство. Никто (кроме Страхова) ничего не понял”. Н.Н. Страхов, действительно, почувствовал и уникальный характер книги и ее эстетическую особость. Тонкие наблюдения сделали П.В. Анненков и Н.И. Соловьев. Понравился роман Н.С. Лескову. Высоко оценивал правдоподобие военных сцен и армейской психологии известный военный теоретик М.И. Драгомиров, но все же настоящую, достойную оценку книга Толстого еще не получила. Как все великое, она могла быть оценена лишь спустя годы.

Поначалу Толстой пытался оправдываться. “Характер времени, как мне выражали некоторые читатели при появлении в печа-